

политические традиции для оправдания абсолютистских претензий французских королей¹⁴. Следовательно, тенденции к созданию абсолютистской идеализации Византии были налицо, но судьба историографического образа византийского государства сложилась так, что эти тенденции не получили развития.

Как указывалось выше¹⁵, в немецкой гуманистической историографии XVI в. сложилась традиция смотреть на Византию сквозь призму 1453 г. и объяснять ее падение религиозно-политическими раздорами, ассоциировавшимися с отсутствием сплочения Германии перед лицом турецкой опасности. Отчасти благодаря авторитету немецких гуманистов, отчасти под впечатлением разорения Франции в эпоху религиозных войн такое понимание Византии восприняли публицисты партии политиков Жан Боден и Луи Леруа¹⁶. В начале XVII в. проекты антитурецкой коалиции способствовали возникновению во французской историографии интереса к истории крестовых походов¹⁷. Характерное для абсолютистской пропаганды уже в царствование Генриха IV использование патристических идей, связанное со становлением французского национального государства и развитием национального самосознания, объясняет легкое восприятие французскими историками враждебного отношения к византийцам средневековых латинских источников, тем более что длительное сохранение французских владений на Леванте создало благоприятные для этого традиции. Андре Дёшен усиленно подчеркивал историческое противостояние Франции и Византии и неизмеримо большую святость власти французских королей по сравнению с византийскими императорами¹⁸. Полвека спустя Шарль Дюканж, увлеченный экспансионистским настроением начала царствования Людовика XIV, убеждал короля вернуть Франции наследство латинских императоров Константинополя и, обращаясь к истории французских владений на Востоке, называл греков, наряду с турками, врагами французов и их союзников венецианцев¹⁹. В царствование Людовика, когда абсолютизм в условиях «католического возрождения» стремился к установлению идейно-политического единства общества, сложились благоприятные условия для развития понимания Византии как резко отрицательного примера ослабляемого религиозными спорами государства. Воинствующий католицизм наряду с «абсолютистским патриотизмом» требовал безусловной враждебности к схизматикам-византийцам. В сочинениях Луи Мэмбура образ нестабильной византийской автократии как антипода могущественной французской монархии и концепция перманентного упадка Византии вследствие неразумной политики нечестивых государей нашли наиболее полное выражение²⁰.

¹⁴ Придворный историограф Людовика XIV Луи Мэмбур возводил к Юстиниану право французских королей (наследников империи) вмешиваться в выборы пап. См.: *Maimbourg L. Histoire de décadence de l'empire après Charles Magne. Paris, 1681, p. 210.* В 1685 г. интендант Верхнего Пуату Н.-Ж. Фуко ссылался в оправдание отмены Нантского эдикта на суровую религиозную политику первых христианских императоров. См.: *Foucault N.-J. Mémoires, ed. F. Baudry. Paris, 1862, p. 141.*

¹⁵ См. выше, прим. 5.

¹⁶ *Le Roy L. Exhortation aux francois pour vivre en concorde et jouir du bien de la paix. Paris, 1570, p. 60—61; Bodin J. Les six livres de la République. Paris, 1577, p. 363.*

¹⁷ *Заборов М. А. Историография крестовых походов (Литература XV—XIX вв.). М., 1971, с. 23, 32, 46 и сл.*

¹⁸ *Duchesne A. Les antiquités et recherches de la grandeur et majesté des rois de France. Paris, 1609, p. 13, 43, 72—73, 152, 417.*

¹⁹ *Du Cange Ch. Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français. Paris, 1657, I part. Préface.* Враждебным отношением к византийцам проникнута также «История крестовых походов» Луи Мэмбура. См.: *Maimbourg L. Histoire des Croisades pour la delivrence de la Terre Sainte, t. I, épître, p. 86, 340; t. III, p. 180 et suiv.*

²⁰ «В различном поведении греческих императоров и французских королей можно видеть примеры того, что является доброй, а что — дурной политикой»; см.: *Maimbourg L. Histoire de l'hérésie des iconoclastes et de la translation de l'empire aux fran-*